

В маленьком огороде при Храме Белого Дракона одиннадцати-двенадцатилетний послушник задумчиво разглядывал пекинскую капусту.

— Анан, о чем задумался? — окликнул его старый монах. — Учитель проголодался, ступай, приготовь чего-нибудь.

Мальчик нехотя отозвался:

— Не хочется сегодня готовить, учитель. Давайте просто поедим пустой рисовой каши.

— Опять?! — старик едва не начал кататься по земле от возмущения. — Я больше не могу есть эту кашу! Три дня подряд! Анан, сжался, пожарь хотя бы капусту!

Мальчик с невыразимым видом наблюдал за тем, как наставник капризничает:

— Кто же просил вас, учитель, каждому новому паломнику предлагать рисовую кашу с глубоким смыслом? А теперь, когда они повадились ходить к нам три дня подряд, вы сами же и не выдержали?

— Ты ничего не понимаешь, — с важным видом ответил старик. — Многие приходят именно ради того, чтобы услышать мои наставления. Если я вдруг сменю меню, они удивятся. А те, кто уже бывал здесь, возвращаются снова, чтобы еще раз послушать про дзен в этой каше. Они идут нескончаемым потоком, я же тоже устаю!

На лбу у послушника проступили черные жилки. Подумав, он решил, что слова учителя имеют смысл. Жители Фанланя поголовно верующие, а заезжие купцы и караванщики и вовсе считают Храм Белого Дракона популярной достопримечательностью. Если они узнают, что высокопоставленный монах сменил блюдо, к которому привязан дзен, кто знает, не побегут ли они слушать новые проповеди? Их энтузиазм не уступал фанатизму коллекционеров из его прошлой жизни. И если уж старик не выдерживает, то что говорить о нем самом — послушнике, которому хоть и не нужно проповедовать, но приходится постоянно заниматься размещением гостей?

— Учитель, сегодня я встретил странного человека, — нахмурился Анан. — Я относил сутры господину Чжану и столкнулся с его гостем. Тот вел себя очень странно: смотрел на меня так, будто собирался заплакать, и сказал, что собирается прожить во Фанлане несколько лет, приглашал меня заходить к нему в гости.

Выражение лица старого монаха стало загадочным:

— О? Вот как. А ты хочешь пойти, Анан?

Мальчик замялся:

— Немного хочу, но в то же время это кажется утомительным. И мне почему-то кажется, что

он хочет научить меня вовсе не тому, что подобает знать монаху.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся старик. — Анан, скажи мне, а что, по-твоему, подобает знать монаху?

— ...Буддийские сутры? — ответил мальчик.

Старый монах потер живот, который разболелся от смеха:

— Анан, ты умный ребенок. С детства ты стараешься соответствовать стандартам монаха, но знаешь ли ты сам, что это за стандарты?

Мальчик растерялся:

— Прошу учителя наставить меня.

— Какие стандарты? Нет никаких стандартов! — старик погладил его по голове. — Иди, иди и научись у того гостя всему, чему он хочет тебя научить!

Мальчик крепко ухватился за его руку:

— Учитель, вы сердитесь? Тогда я не пойду. Больше никогда не увижу этого странного человека.

— Я не сержусь, — вздохнул старик. — У тебя есть связь с Буддой, но связь бывает разной глубины. Я твой наставник, совершивший обряд пострига, но я не могу за тебя достичь просветления. Тебе нужно больше учиться и смотреть на мир. Когда подрастешь, отправляйся в путь и ищи свой собственный путь. Кто-то видит, как желтый лист падает с ветки, и осознает непостоянство мира, становясь отшельником. Кто-то видит старость, болезнь и смерть и осознает непостоянство плоти и чувств... У каждого свои способности, и плоды просветления тоже разнятся. Не у каждого, кто обрел понимание, есть сверхъестественные силы. Анан, постриг защитит тебя на время, но боюсь... храмовые ворота не удержат тебя навсегда. Иди своим путем!

...

— ... — Чу Шэчжи подтолкнул меня. — Цзюцзянь, ты вообще слушаешь, что я говорю?

— Слушаю, — я лежал на кровати, как будто читал мантру: — У сестры главы павильона Вэй два маленьких клыка, и когда проводишь по ним языком, это очень приятно. А больше всего ты любишь проводить ночи с девушкой по имени Чжэньчжэнь на лодке в Янчжоу, потому что у нее упругие ягодички, которые так приятно мять...

— Хватит! — Чу Шэчжи чуть не свалился с кровати. — Ты что за главное запомнил! Разве это подобает говорить монаху?

— А разве подобает монаху слушать то, что говоришь ты? — я отвернулся к нему спиной. — Уходящий из мира не лжет. Ты спросил, слушал ли я, я доказал, что слушал. Цвет — это пустота, пустота — это цвет, — добавил я. — Господин, ваши слова не заставят меня нарушить обеты.

— ... — Чу Шэчжи странно замолчал, а потом произнес тихо: — Почему мне кажется, что после того, как мы расстались с мастером Тяньцзином, ты стал другим человеком? Это лишь мое воображение?

— Возможно, — равнодушно отмахнулся я. — Весь наш сегодняшний разговор — ложь. Я ничего не слышал, ты ничего не говорил. Скоро рассвет, давай спать.

Чу Шэчжи, казалось, сдался. Он слез с кровати, прихватил недопитое вино, махнул мне рукой и выпрыгнул в окно.

— Ты совсем не похож на монаха, — сказал он перед уходом.

— А ты совсем не похож на мужчину, — проворчал я, когда он скрылся.

Святой монах должен держать марку. Я не похож на монаха? А как именно должен выглядеть монах? Сбрить волосы, читать сутры, соблюдать запреты? Маленький послушник стареет и становится старым монахом, и так из поколения в поколение — разве так должно быть?

Нет. Не так.

Дорога из Фанланя ведет в Западный край, и монахи, живущие там, в пустыне, едят верблюжатины, пьют кумыс и не снимают шапок, ничем не отличаясь от проезжих купцов. Монахи в Индии предаются суровому аскетизму, годами не выходя из пещер. В Центральной равнине был Цзигун — в рваных туфлях и грязной одежде, он казался безумным, любил вино и мясо... Как должен выглядеть монах? Монах — тоже человек, у него должен быть свой облик. Я монах, значит, мой облик — это облик монаха.

Но действительно ли я монах? Я ворочался с боку на бок. Жизнь в Храме Белого Дракона была спокойной и радостной: прием паломников, работа в поле, изучение кулинарных рецептов, проповеди по домам... Мне нравилась эта жизнь. И хотя ради дела с Порошком Высшего Блаженства мне пришлось прибегнуть к внешней помощи, я никогда не хотел по-настоящему покидать учителя. Но казалось, учитель давно решил, что я не вернусь.

— Судьба... — прошептал я. — Где же моя судьба?

...

Мак не впервые появился в Центральной равнине. В этой реальности он попал сюда в годы

правления императора Чэн-вэня из предыдущей династии под названием Афужун. Драгоценная паста из афужуна предназначалась исключительно для императорской семьи. Мастерские поставщиков двора владели секретом изготовления и ежегодно поставляли определенное количество для вдовствующей императрицы Фэн, матери Чэн-вэня. Спустя несколько лет купец, владевший секретом, был втянут в дело о мятеже и казнен, а афужун исчез.

— Говорят, в том деле о мятеже афужун сыграл не последнюю роль, — Вэй Минцзюэ решил блеснуть эрудицией, перебивая Чу Шэчжи. — По одной версии, княгиня Цинхэ и ее муж преподнесли афужун, чтобы контролировать императрицу Фэн и вместе с князем Ци готовить восстание. По другой — наложница Сяо, чтобы выкрасть императорскую печать, взяла в заложники сына княгини и заставила их отравить императрицу. Как бы то ни было, император Чэн-вэнь наверняка что-то понял, и с тех пор об афужуне не было ни слова.

Чу Шэчжи добавил:

— Прежняя династия пала почти сто лет назад, память народа об афужуне стерлась. Почему же после отмены морского запрета мак вдруг сменил имя и так быстро вернулся? Тут явно что-то кроется.

— Ты хочешь сказать, что господин Чжан Пулян, выступавший за отмену запрета, связан с теми, кто стоит за Порошком Высшего Блаженства? — Вэй Минцзюэ взвился, как кошка, которой наступили на хвост. — Чу Шэчжи, у тебя нет доказательств, как ты смеешь клеветать на первого министра!

— Ваше Высочество, господин Чу, вероятно, не это имел в виду, — я вмешался, видя, что они вот-вот поссорятся — вернее, что Вэй Минцзюэ начал безосновательно истерить. — Господин Чжан ратовал за отмену запрета ради страны и народа. Однако наша династия всегда ценила земледелие и презирала торговлю, поэтому такой шаг повышает статус купцов и ущемляет интересы многих, вызывая недовольство при дворе. Если после отмены запрета появился Порошок Высшего Блаженства, и дело примет серьезный оборот, виноватым сделают господина Чжана. Господин Чу не подозревает его, а беспокоится о нем. Верно ведь?

Я бросил взгляд на Чу Шэчжи, и тот сразу понял:

— Цзюцзянь прав, малый ван неверно истолковал мои слова.

Вэй Минцзюэ посмотрел на меня, потом на Чу Шэчжи, фыркнул, дернул занавеску и ушел скакать на лошади.

— Не берите в голову, господин Чу, — вздохнул я, приоткрыв занавеску, чтобы убедиться, что Вэй Минцзюэ просто едет верхом, и сел обратно. — Господин Чжан Пулян был наставником в императорском кабинете, малый ван учился у него несколько лет и очень привязан к учителю. Его слишком сильно задевают нападки на Чжана, вот он и стал таким чувствительным.

— Что вы, благодарю, что выручили меня, — Чу Шэчжи мягко и интеллигентно улыбнулся. В

этот момент он был похож не на странствующего воина, а на главу знатного книжного рода. Если посчитать, ему около тридцати, но он выглядит молодым, при этом в нем больше спокойствия, чем в Вэй Минцзюэ. Эта выдержка, закаленная годами, в сочетании с врожденной удалью странника придавала ему удивительное обаяние, действующее и на мужчин, и на женщин.

— Однако, Цзюцзянь, ты неожиданно хорошо разбираешься в придворных делах, — Чу Шэчжи посмотрел на меня с любопытством. — Я думал, такие, как ты, не интересуются мирской суетой.

О, я забыл упомянуть: помимо обаяния, у него была и проклятая проницательность «великого сыщика».

— Такие, как я? — переспросил я. — А как ты думаешь, кто я?

Сказав это, я слегка подался вперед, мягко и непреклонно заставляя его смотреть мне в глаза. Он, кажется, опешил, на лице появилось изумление и легкий румянец. Я остался доволен результатом. Никто не учил меня так делать, возможно, для монаха это было неуместно, но цель я достиг — сменил тему.

— Ты... — Чу Шэчжи словно под гипнозом продолжил, а потом улыбнулся — хитро и лукаво, как будто никакой растерянности и не было: — ...очень интересный монах.

Мы рассмеялись одновременно, и напряжение исчезло. Только Чу Шэчжи знал, что он только что, совершенно точно, засмотрелся на мужчину — монаха, который намного моложе его.

Может, в этом послушнике есть кровь иноземцев? Его черты лица острее, чем у обычных ханьцев, ресницы длинные, как веера, зрачки с красновато-коричневым оттенком, губы нежно-розовые, а кожа — молочно-белая, которой позавидовала бы любая красавица. При этом резкие брови и высокий нос придают ему мужской твердости. Его отстраненность, порожденная годами монашества, заставляла людей держаться на расстоянии, но когда он смотрел прямо на тебя, эти холодные глаза из-за красноватого отлива становились притягательными, пробуждая... желание.

Чу Шэчжи много лет странствовал и встречал разных людей, но никогда не думал, что сам испытает влечение к человеку своего пола. Хотя разум позволял ему сдерживаться, это минутное наваждение было реальным. Чу Шэчжи помрачнел. Что бы ни говорил Вэй Буфань, в одном он точно не ошибся: этот монах непрост.

— Кто-то есть?

— Кто-то идет.

Два голоса прозвучали одновременно. Вэй Минцзюэ с мрачным лицом просунул голову в карету:

— Это третья дочь из поместья Маркиза, Усмиряющего Север.

Не успел он договорить, как лицо Чу Шэчжи изменилось. Вэй Минцзюэ уставился на него и внезапно выпалил:

— Постойте, я слышал, Чжао Цзинжоу влюбилась в странствующего воина. Неужели это ты?!

<http://bllate.org/book/22245/2325286>